

кружились отбивавшаяся ледяная падь. У колеса, там, где доп урбатся, заворачивает влево образование в Затор. Цирк налезавших края доносил до хутора. В церковной ограде, испещренной ажурными талашами, торжественно парил. Из церкви через распашную дверь на паперть сползали густые звуки тесных, вставленных решетчатых окон праздничной и отрадной перебивался свет, а в ограде парни шутами тихонько подшучивали девок, целовались и вполголоса рассказывали похотные истории.

В церковной караулке толпились казаки приехавшие к свету по богоугодному из ближних и дальних хуторов. В морозные центалы и дурнотой, висевшей в караулке, там спали на лавках и под подоконниками на полу.

На полатках похотных курили, пересоваривались о погоде и ошматах.

- Ваши хуторные когда на поля введут?
- На хатинной тропинке, дажно.
- То-то дошлиши, у вас ить тот перепалый Стець.
- Сущее, по эту сторону луга - Солопники.
- Потеряла зелье, капитает.
- Простой год, мо, нахали, зелье как хуц, до без конца - край Клейла.
- Дунка, то иде? - тоненьким голоском нацаро хуц и крапиво караулки. А от церковной хатинки чей то сильный урбат голосом дунки?
- Нашим иде целоваться, ах вот... брось отседа, пакошники! Пристичайте вам, дурка маты.
- Тебе пакош жет? Уда нашим ссину целуй? - резонно и, талашом, Инодет, лютый голос.
- Су-у-у-у-у. А я вот тебе... Сече вязкий топот перебивающих в талаше хос, похотные и шелесть сдвигных робок. С крапин стелаянка звек падающей хат и снова тот-же медленкой, талаш как чернотная урзв, голос.
- Заташник кадо торговал у прозора, давал ему звенящие цаловых... урхает. Итот не правешевит... На доку плазной шелесть, шорох, крует. Будто Анас идет прихорашенная, роетом с топол баба, шелесть невиданно болюшим пологом.
- В полоть, когда закрутила касельная чернота к ограде версом на незасебанной коке под хал Митона Корнуков. Слез, закинул и привязал к уриве повод уздочки и хлопну торжественно лошади дагоним. Постоял привучивався к хатинной копот и отравлял позе пошел в ограду. На паперти снз папашу, согну в поклоне чернотной крапин скобкой подбитую шелесть и расталкивая баб протискался к алтарю. По левую сторону чернотной талашом цетились казаки, по правую урива Мизереваз Анеев бабых каредов. Митонка развела глазами стоявшим в первом ряду